

Владимир Николаевич Захаров

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

vnz01@yandex.ru

ИЗ ЗАБЫТЫХ МЕМУАРОВ

П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом*

Аннотация. Паломничества Л. Толстого и Ф. Достоевского в Оптину Пустынь давно стали литературным фактом, который отразился в воспоминаниях, слухах, сплетнях. Широкое распространение получили мистифицированные мемуары Д. Стахеева, который не был в Оптиной Пустыни, но пересказал чужие слухи и сплетни — главным образом то, что слышал от Н. Страхова. Забытыми оказались воспоминания П. Матвеева, который входил в окружение Н. Страхова, общался с Ф. Достоевским, Л. Толстым, К. Леонтьевым, оптинскими монахами, государственными и общественными деятелями. Они отсутствуют в обзорах, сводах мемуарных источников и критической литературе о Достоевском. Павел Александрович Матвеев подверг критике вымыслы и сплетни в псевдомемуарах Д. И. Стахеева, который вопреки фактам представил в своем изложении оптинских бесед «молчуном» не Страхова, а Толстого, спорщиком не Вл. Соловьева, а Достоевского. Матвеев не только исправил искажения, но и рассказал, что говорили о Толстом, Достоевском и их спутниках оптинские насельники, уточнил роль и значение К. Леонтьева в монастырском послушании. В статье проанализированы литературные и биографические обстоятельства смерти Н. Страхова. Они подтвердили опасения старца Амвросия; их отчасти угадал в литературной шутке Д. Стахеев, который описал смерть «литературного Страхова» в повести «Пустынножитель» (1890) за шесть лет до кончины прототипа и своего соседа по квартире (1896). Уточнены обстоятельства паломничества Достоевского, который приехал в Оптину Пустынь, чтобы пережить горе — смерть и сороковины младшего сына Алеши, подготовиться к воплощению идеи будущего романа — представить Церковь как положительный общественный идеал, творчески подготовиться к воскрешению умершего сына в главном герое романа — в раннем человеколюбце Алексее Федоровиче Карамазове. Мемуарные свидетельства Матвеева помогают понять значение оптинских бесед в судьбах русских гениев и их спутников.

Ключевые слова: Оптина Пустынь, Амвросий Оптинский, П. Матвеев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Страхов, Вл. Соловьев, К. Леонтьев, Д. Стахеев, биография, факты, слухи, сплетни

Сегодня редко кто вспоминает имя этого мемуариста. Павел Александрович Матвеев (1844 — дата смерти неизвестна) — юрист, критик, публицист, сотрудник «Журнала Министерства юстиции» и газеты «Судебный Вестник», журналов «Заря», «Русская Речь», «Исторический Вестник», «Русский Вестник», «Русская Старина», аксаковской газеты «Русь» — писал в основном на юридические темы, входил в окружение Н. Н. Страхова, общался с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, К. Н. Леонтьевым, оптинскими монахами, государственными и общественными деятелями. Ему

свойственны независимость суждений, попытки выяснить правду, прийти до сути в обсуждении любых вопросов.

Эти черты характера П. А. Матвеева прослеживаются в разных ситуациях, проявляются в его словах и поступках. Так, когда Достоевский стал редактором еженедельника «Гражданин», тот, будучи членом Самарского окружного суда, 25 марта 1873 года написал письмо, в котором приветствовал новое «славянофильское» издание, выразил слова поддержки и, вопреки предубеждению публики, предрек:

Вашему «Гражданину» я положительно предсказываю скорый, несомненный и большой успех¹.

Похвалив содержание отдельных статей и очерков, Матвеев упрекнул издание в поверхностном взгляде на юридические вопросы:

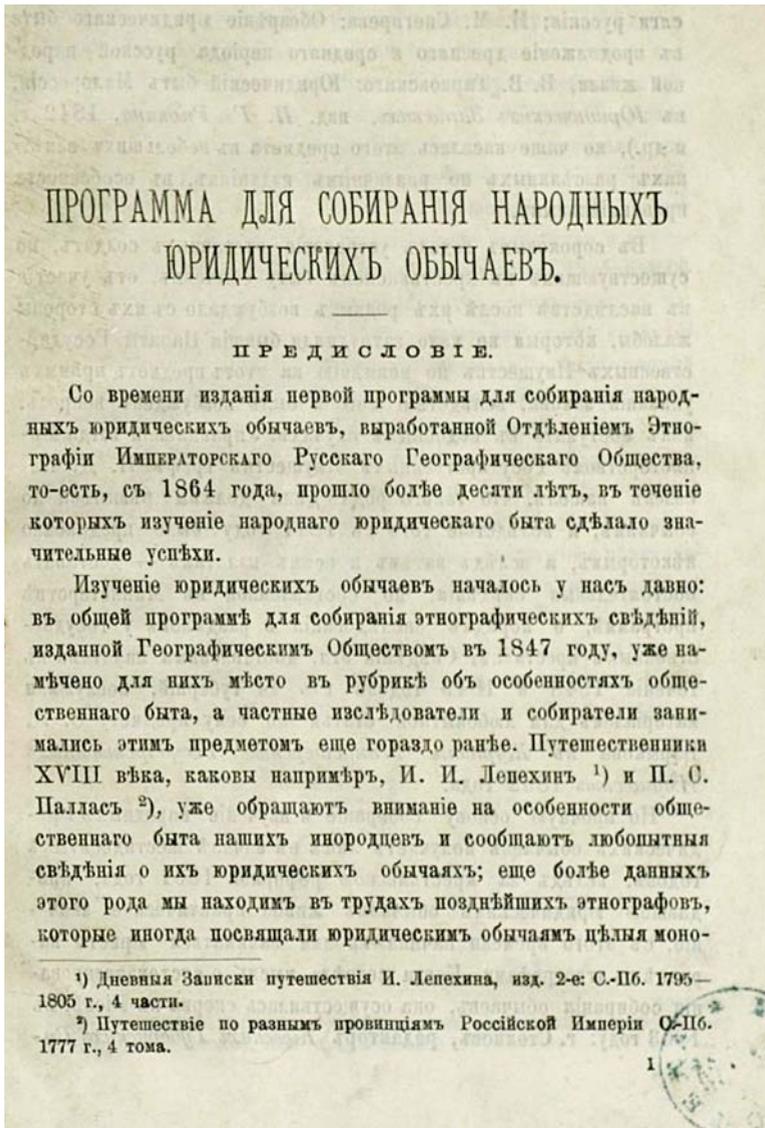
Изъ статей Гражданина за нынѣшній годъ я не совѣмъ доволенъ только статьями о судебной реформѣ и присяжныхъ. Вы совершенно вѣрно чувствуете, что нашъ новый судебный порядокъ заключаетъ въ себѣ много фальши, но по моему мнѣнію ошибка Ваша заключается въ томъ, что Вы судите его не съ той точки зрѣнія, какъ бы слѣдовало².

На взгляд юриста, хотя суд присяжных не является идеальным способом установления вины и истины, его значение шире и многостороннее, чем трактовал Достоевский:

Очевидно Вы его слишкомъ мало знаете. Кромъ того, значеніе суда присяжныхъ гораздо шире и многостороннѣе чѣмъ Вы его понимаете — я сужу по Вашей статьѣ — это можетъ быть и не есть лучшая организациія суда для правильнаго рѣшенія дѣлъ (Коллегія коронныхъ судей, образованныхъ спеціалистовъ въ этомъ отношеніи благонадежныѣ), но во всякомъ случаѣ прекрасная школа общественнаго развитія для народа. Какъ ни полезно распространеніе въ народѣ грамотности, но ограничивать сферу развитія народа школой и книжкой нельзя — это обстоятельство отнюдь не слѣдуетъ опускать изъ вида органу такого направленія, какъ Гражданин³.

Свою бескомпромиссную критику он аргументирует, анализируя практику волостных судов, положительную роль бывших присяжных в их деятельности, обращает внимание редактора на свою программу изучения народных юридических обычаев, которую просит распространить через еженедельник:

При семъ посылаю Вамъ мою программу нар. юрид. обычаевъ, желательнo что бы печать обратила серьезное вниманіе нашего земства на изданіе Сборниковъ этихъ обычаевъ, это одна изъ существенныхъ потребностей дня⁴.

Илл. 1. Первая страница «Программы для собиранія юридическихъ обычаев. Гражданское право» (СПб., 1877), составленной П. А. Матвеевым

Волей случая Матвеев был причастен к такому важному в русской литературе сюжету, как паломничество в Оптину Пустынь Толстого и Страхова в июле 1877 года. Он был одним из тех, кто советовал эту поездку Страхову, который писал Л. Толстому 4 ноября 1876 года:

Один знакомый, Павел Александрович Матвеев, молодой юрист, очень милый, все разговаривает со мной о вере — он сам верующий, к великому

изумлению всех окружающих. Он бывал в Оптиной Пустыни, мне советует побывать, но уверяет, что это трудно, именно, что непременно мне встретятся всякого рода препятствия и задержки, что это испытали на себе многие лица — какая-то сила мешает. Попробуем же в следующее лето — я очень желаю, и не имею других планов [9, 288].

Он живо интересовался пребыванием в Оптиной Толстого и Страхова, позже, через год в июне 1878 года, поездкой Достоевского и Владимира Соловьева, расспрашивал самих паломников и монахов. Кому-то его воспоминания известны, но они отсутствуют в обзорах, сводах мемуарных источников и критической литературе о Достоевском.

Об этих поездках написано много. Они сразу стали литературным фактом: сначала — в переписке путешественников, позже — в воспоминаниях о Толстом и Страхове Д. И. Стахеева [10] и П. А. Матвеева [7], в статьях о Леонтьеве [14, 264—280], [15, 145—161], мемуарах и статьях о Достоевском [3, 374—375], [4, 100—106], [5], [1] и др. С течением времени вокруг паломничества Толстого и Достоевского возникли слухи, мистифицированные предания. Их было бы меньше, если бы исследователи учитывали свидетельства П. А. Матвеева.

Непосредственный повод воспоминаний П. А. Матвеева — его возражения Д. И. Стахееву, опубликовавшему в январском номере «Исторического Вестника» за 1907 год заметки о паломничествах русских писателей в Оптину Пустынь. В фельетонном стиле автор рассказывает о том, чего он не видел, но слышал от других или по случаю сочинил. Сам Стахеев в Оптиной Пустыни не бывал и быть, по его признанию, не собирался; о целях посещения монастыря нашими знаменитыми писателями имел самое смутное представление: может быть, и была религиозная цель, а может быть, ездили «просто такъ, для развлечения и отдыха послѣ утомительныхъ литературныхъ трудовъ» [10, 82]. Он безапелляционно судит то, что рассказывает, сводя события к анекдоту. О поездке Л. Толстого Стахеев ничего толком не сказал, но свысока позлословил: сначала оставил без ответа свой же вопрос, почему романист отправился к старцам и зачем «заманил» туда Страхова, затем общение Толстого и старца свел к анекдоту о том, как старец, узнав, что перед ним граф, из тщеславия похвастался: «А у меня братъ былъ генераль. Родной мой братъ былъ генераль...» [10, 94].

Стахеев полагает, что он рассказывает то, что слышал от Страхова, но его пересказы слишком выразительны и характеризуют самого «мемуариста», которому на самом деле нечего вспоминать: он передает чужие сплетни и слухи, что-то сочиняет сам. В. А. Котельников, легко соглашаясь с утрированными Стахеевым портретами литераторов, отметил, что «собранные от разных лиц сведения, а отчасти домыслы автора по отношению к Амвросию отличаются каким-то глумливым, совершенно ракистинским тоном» [5, 20]. П. А. Матвеев выразился деликатно: встреча со схимником описана «в легком и шутливом тоне» [7, 156]. Добавлю: в таком же стиле сочинены все анекдоты «мемуариста».

Кто-либо другой, наверное, оставил бы без последствий вымыслы и домыслы Д. И. Стахеева, но не П. А. Матвеев.

Павел Александрович четко разделяет, что и от кого он слышал, что видел сам. Он расспрашивал о пребывании Толстого и Страхова в Оптиной отца Климента (Зедергольма), отца Амвросия, беседовал со Страховым.

Матвеев сообщает много конкретных деталей: где остановились паломники, кого и когда посещали, о чем говорили. Так, он называет имя бывшего крепостного Толстых — «гостиничника» отца Феоктиста. В отличие от слухов, которые перетолковывает Стахеев, слова Матвеева подтверждаются «перекрестными» свидетельствами.

Толстой и Страхов были в Оптиной Пустыни 25—27 июля 1877 года. 17 августа по возвращении из поездки Страхов писал Толстому:

Сейчас был у меня Павел Александрович Матвеев; он навещал Оптину Пустынь после нас и привез мне целую кучу разговоров о Вас и даже обо мне. Отцы хвалят Вас необыкновенно, находят в Вас прекрасную душу. Они приравнивают Вас к Гоголю и вспоминают, что тот был ужасно горд своим умом, а у Вас вовсе нет этой гордости. Боятся, как бы литература не набросилась на Вас за 8-ю часть <«Анны Карениной». — В. З.>, и не причинила Вам горестей. Меня о. Амвросий назвал *молчуном*, и вообще считают, что я закоснел в неверии, а Вы гораздо ближе меня к вере. И о. Пимен хвалит нас (он-то говорил о Вашей прекрасной душе) — очень было и мне приятно услышать это. Отцы ждут от Вас и от меня обещанных книг и надеются, что мы еще приедем [9, 355].

Толстой отвечал Страхову 1—2 сентября:

Сведения, котор[ые] вы сообщили мне о воспоминаниях о нас оптинских старцев, и вообще воспоминания о них мне очень радостны [9, 361].

Произошедшей в муже перемене радовалась С. А. Толстая, которая записала 25 августа 1877 года в дневнике:

Все более и более укрепляется в нем религиозный дух. Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне, где мужики всякий раз обступают его, расспрашивая о войне; по пятницам и средам ест постное и все говорит о духе смирения, не позволяя и останавливая полусутия тех, кто осуждает других [13, 503].

26 декабря 1877 года Софья Андреевна записала:

Настроение Л. Н. сильно изменяется с годами. После долгой борьбы неверия и желания веры — он вдруг теперь, с осени, успокоился. Стал соблюдать посты, ездить в церковь и молиться Богу⁵ [13, 505].

Таков был благотворный, но временный эффект влияния на Толстого оптинского паломничества.

Судя по всему, Страхов передал не всё, что сказал Матвеев: Толстому польстил, правду открыл только о себе.

Вот что о пребывании Толстого и Страхова в Оптиной Пустыни рассказал П. А. Матвеев:

Приѣхаль я въ Оптину нѣсколько дней спустя послѣ ихъ отъѣзда; я интересовался знать, какое впечатлѣніе они вынесли и что дѣлали въ монастырѣ [7, 154].

Отец Климент, «человѣкъ душевный и правдивый», сообщил:

Старецъ съ прискорбіемъ смотритъ на его дѣятельность особенно въ будущемъ; сердце его ищетъ вѣры, а въ мысляхъ путаница; онъ слишкомъ полагается на свой умъ и большой рационалистъ... [7, 154].

Илл. 2. Келия старца Амвросія в Иоанно-Предтеченском скиту.
Последняя треть XIX века (Фото: www.optina.ru)

Во время беседы говорил со старцем один Лев Толстой, «Страховъ слушалъ и наблюдалъ» [7, 153].

У старца беседа вызвала тревогу:

О. Амвросій, когда я его спросилъ о Л. Н. Толстомъ, вздохнулъ и, задумавшись, сказалъ мнѣ слѣдующее: «мудреный онъ человѣкъ: сердце ищетъ Бога, а въ мысляхъ путаница и невѣріе. Гордъ онъ очень, духовной гордостью.

Много вреда онъ сдѣлаеть своимъ произвольнымъ, и суемудрымъ толкованіемъ Евангелія, которое, по его мнѣнію, никто до него не понималъ, но на все воля Божія».

Старець погрузился въ раздумье.

— Н. Н. Страховъ, — замѣтилъ я, — можетъ имѣть на него доброе вліяніе. — Такъ я думалъ, основываясь на томъ, что Страховъ всегда говорилъ о религіи съ уваженіемъ.

— Ну, нѣтъ, — живо возразилъ о. Амвросій: — Страховъ человѣкъъ закоснѣлый, невѣріе его глубже и крѣпче [7, 154].

Отец Климент так пояснил эти слова:

Послѣ этого зашелъ я къ Клименту я передалъ ему мой разговоръ. «Батюшка мнѣ говорилъ то же самое, — отвѣтилъ онъ. — Много бѣдъ предвидитъ онъ отъ Толстого, который можетъ оказать большое вліяніе на умы, а Страхова считаетъ человѣкомъ отпѣтымъ, для котораго вѣра только поэзія». По мнѣнію старца, Страховъ вліянія на Толстого не имѣетъ, скорѣе наоборотъ, это его справочная книга [7, 155].

Все мнения Матвеев откровенно передал Страхову:

Въ Петербургѣ, когда я увидѣлъ Н. Н. Страхова, я его засталъ одного — я, конечно, заговорилъ объ Оптинѣ, передавъ ему то, что слышалъ. Страхова, видимо, поразилъ отзывъ о немъ старца, молча крутилъ онъ папиросу и, закуривъ, сталъ ходить, что у него было не въ привычкѣ. «Да вѣдь, я, кажется, съ о. Амвросіемъ мало о чемъ и говорилъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Черты его лица мнѣ показались схожими съ бюстомъ Вольтера Гужона, хотя выраженіе ихъ другое. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать Исаака Сирина, духовнаго наставника монаховъ и великаго душевѣдца, по его словамъ, и подарилъ какую-то брошюрку, въ которой передаются разговоры Ермія съ языческими философами — но это дѣтская книжка, а серьезнаго разговора съ Амвросіемъ у меня не было» [7, 155].

По свидетельству Павла Александровича, накануне смерти Страхов подтвердил прорицаніе старца:

Дѣйствительно, какъ я убѣдился во время болѣзни Страхова (у него былъ ракъ въ полости ушей и на языкѣ, ему дѣлали операцію), онъ былъ человѣкъ невѣрующій, хотя думалъ, что религія нужна для народа. Мягкій и кроткій, онъ сильно раздражился, когда я упомянулъ о священникѣ передъ операціей, и скончался безъ церковнаго напутствія [7, 156]⁶.

Впрочем, неверие Страхова не было секретомъ для его знакомых.

Весной 1890 года въ «Русском Вестникѣ» Стахеев опубликовал повесть «Пустынножитель», в герою которой узнается прототип — Н. Н. Страхов⁷. Это заметили критики, не скрывал это обстоятельство и сам автор произведения: «...Страховъ былъ уже мною описанъ, хотя и безъ означенія его фамиліи» [10, 81].

В повести замечателен финал. Заурядному завершению повествования смертью героя автор придал оригинальный смысл: он **описал эту смерть за шесть лет до кончины прототипа и своего соседа по квартире.**

Не столь уж важно, как Страхов воспринял этот забавный конец «своей» жизни; существенно другое: придуманное отчасти сбылось в реальных обстоятельствах смерти философа, выразилось в «правде» его характера.

Когда наступил смертный час героя, близкие предложили ему послать за священником.

Вот диалог героя и его друга, «суетливого старичка»:

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Но вы вѣрите въ загробную жизнь?

— Не знаю... Я склоненъ вѣрить.

— Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы исполнить христіанскій долгъ.

Онъ молчалъ.

— Слышите, что я говорю?

— Слышу.

— Нужно покаяться.

— О, я каюсь, слабо проговорилъ онъ, — простите... Но смѣю думать, что къ Богу, создателю моему... могу и... безъ посредниковъ» [11, 198—199].

Послали за доктором и священником. Первым пришел священник. Николай Александрович (так звали литературного Страхова) захотел прочесть молитву «Отче наш», но забыл слова. Вслед за священником он повторял слова молитвы, его шепот становился всё тише, пока не замер.

Стахеев не угадал диагноз болезни и некоторые обстоятельства смерти Страхова, но угадал его сомнения и отказ от исповеди, причастия и соборования. «Ошибся» автор повести и в прогнозе по поводу библиотеки, которая не ушла к букинистам, а в составе 12 с половиной тысяч томов была передана наследниками в библиотеку Санкт-Петербургского университета [8, 388—394].

Матвеева удивляло то, что, понимая значение православия в жизни народа, Страхов обходил прямые разговоры о религии.

На эту тему у него был примечательный разговор:

Л. Н. Толстой, котораго я видѣлъ въ Москвѣ (я былъ у него въ Хамовническомъ переулкѣ послѣ смерти Страхова въ самомъ концѣ 1890 годовъ), говорилъ, что его всегда удивляло, что Страховъ, человѣкъ научно-образованный, отличный стилистъ и безспорно умный человѣкъ, такъ мало оказывалъ вліянія на русское общество, что, вѣроятно, происходило оттого, что онъ былъ равнодушенъ къ вопросамъ религіи [7, 155].

Л. Толстой еще несколько раз посещал отца Амвросия в Оптиной Пустыни. В одно из посещений он встречался с К. Н. Леонтьевым, «много съ нимъ спорилъ объ Евангеліи» [7, 157].

Илл. 3. Приемная старца Амвросия
(Фото: www.optina.ru)

В своих воспоминаниях Павел Александрович возражает тем, кто из проживания К. Н. Леонтьева в Оптиной Пустыни в последние годы жизни и его тайного пострига в 1891 году сделал своего рода миф, представив его учителем русских писателей, наставником русской литературы:

К. Н. Леонтьева я много раз видѣлъ въ Оптиной и могу положительно сказать, что въ Оптиной онъ держалъ себя не какъ учитель, да къ тому же онъ проживалъ въ монастырѣ въ качествѣ послушника. Надо знать монастырскій бытъ и правила въ такой строгой обители, какъ Оптина пустынь, чтобы писать о ней [7, 156].

8 мая 1891 года, за несколько месяцев до своего тайного пострига (23 августа), смерти старца Амвросия (10 октября), отъезда в Сергиев Посад и собственной смерти (12 ноября), критик и беллетрист писал В. В. Розанову об отрицательном отношении оптинских старцев к роману Достоевского:

В Оптиной “Братьев Карамазовых” правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его наружность, но говорить заставил совершенно не то, что он говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается. У от. Амвросия прежде всего строго церковная мистика и уже потом — прикладная мораль. У от. Зосимы (устаами которого говорит сам Федор Михайлович!) прежде всего мораль, “любовь”, “любовь” и т. д., ну, и мистика очень слаба.

Не верьте ему, когда он хвалится, что знает монашество; он знает хорошо только свою проповедь любви — и больше ничего.

Он в Оптиной пробыл дня два-три всего!.. [6, 568].

Это предвзятое суждение противоречит свидетельству оптинских насельников, опубликованному 9 февраля 1881 года в ежедневной газете «Современные Известия», издававшейся в Москве Н. П. Гиляровым-Платоновым:

Какое светлое впечатление оставил Ф. М. Достоевский в бытность свою в Оптиной пустыне, Козельского уезда! Это было три года тому назад, когда он приехал с В. С. Соловьевым, доктором философии, сыном известного историка, погостить в нашу обитель. Прожили дня четыре. Федор Михайлович познакомился между прочим с уважаемым известным многим старцем о. Амвросием и некоторыми монахами. О. Амвросий — это одно из действующих лиц в «Братьях Карамазовых». Достоевский описал его так верно и правдиво, что многие, знающие Амвросия, узнавали его в образе художника.

Когда дошла до нас весть о кончине Федора Михайловича, мы истинно пожалели писателя-психолога, симпатичного человека и истинного христианина. Монастырское начальство, узнав о смерти Достоевского, распорядилось поминать его на литургии, и мы в обедню на Сретение слышали ектенью протодиакона, молившегося о рабе Божиим Феодоре, и многие, знавшие, кого поминают, и хотя несколько слышавшие о нем, усердно молились. Горько, горько мне стало за обедневшую семью наших писателей, лишившуюся таких столбов русской литературы, как Писемский и Достоевский. С каждым годом все уменьшается эта семья (цит. по: [2]).

По оценке А. П. Дмитриева, «эта корреспонденция, составленная от имени всей братии Оптиной пустыни и, вероятно, с благословения настоятеля обители, содержит уникальное свидетельство о том, как в знаменитой обители восприняли кончину Достоевского, и дает основание заподозрить в определенной пристрастности К. Леонтьева, а также исследователей, развивавших и пропагандировавших его суждения на сей счет, прежде всего Н. А. Бердяева, прот. В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, К. В. Мочульского, И. М. Концевича, В. М. Лурье. Впрочем, как и в церковных проповедях, Достоевский здесь не объявляется ни богословом, ни православным учителем, а только «писателем-психологом, симпатичным человеком и истинным христианином» [2].

П. А. Матвеев опроверг суждение Стахеева, будто Вл. Соловьев рассказывал, что Достоевский «вмѣсто того, чтобы послушно и съ должнымъ смиреніемъ внимать поучительнымъ рѣчамъ старца-схимника, самъ говорилъ больше, чѣмъ онъ» [10, 86—87], возражал и поучал. По мнению мемуариста, всё было наоборот: не Достоевский, а Вл. Соловьев пытался учить, много говорил и спорил, за что оптинские богословы его «назвали даже орломъ, хотя старецъ Амвросій не одобрялъ его взглядовъ на христіанство» [7, 156]. Стахеев всего «лишь» вообразил, что Владимир Соловьев мог держать

себя в келье старца так же, как в комнате Страхова (взял книгу и углубился в чтение).

В опровержение вымысла Матвеев приводит признание самого писателя:

По крайней мѣрѣ Достоевскій самъ мнѣ говорилъ, что многому научился въ монастырѣ и что старецъ Зосима и обычай старчества въ романѣ «Братья Карамазовы» взяты имъ изъ Оптиной.

— Когда я писалъ о Зосиму, — прибавилъ онъ: — то имѣлъ въ виду Амвросія [7, 156].

Достоевский приезжал в Оптину Пустынь не для того, чтобы учить старцев, да и чему он мог их научить? В поездке он пережил семейное горе — смерть и сороковины младшего сына Алеши, осознал идею своего будущего романа — представить Церковь как положительный общественный идеал, узнал старчество как явление в русском иночестве, воскресил умершего сына в главном герое романа — в раннем человеколюбце Алексее Федоровиче Карамазове.

Необходимо учитывать мемуарные свидетельства Матвеева в анализе и оценке деятельности русских гениев и критиков.

Неуступчивый и взыскательный, честный до щепетильности, он искал правду в общении с оптинскими старцами, с литераторами-современниками — Толстым, Достоевским, Соловьевым, Страховым, Леонтьевым и другими.

Эта правда поучительна.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования в русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ Письмо П. А. Матвеева к Ф. М. Достоевскому // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29773. Л. 1 об. Полную публикацию письма П. А. Матвеева к Ф. М. Достоевскому см. в Приложении 1 к данной публикации.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ Ср. отзыв Страхова в изложении Матвеева:

«Совѣтъ Амвросія говѣтъ былъ принять Толстымъ, который сталъ ходить къ церковной службѣ, но пріѣхалъ нарочный изъ Ясной Поляны съ извѣстіемъ, что одинъ изъ его дѣтей заболѣлъ, и онъ поспѣшно собрался домой, но зашелъ однако предварительно къ о. Амвросію.

Послѣдній говорилъ ему, что болѣзнь ребенка не серьезна и, вернувшись, онъ найдетъ его здоровымъ, а самого его ждетъ уныніе и тоска, если онъ не будетъ говѣтъ въ монастырѣ. Толстой обѣщалъ говѣтъ въ деревнѣ и уѣхалъ. Дома онъ дѣйствительно нашелъ ребенка почти совсѣмъ здоровымъ, **а самъ впалъ въ уныніе и тоску, постепенно возраставшія. Дѣло доходило до того, что, когда онъ уходилъ въ лѣсъ, за нимъ посылали смотрѣть.**

Все это я слышалъ отъ Страхова» [7, 153—154].

Очевидно, что своими назидательными рассказами Страхов ввел в заблуждение не только Стахеева, но и скептически настроенного Матвеева. Особенно курьезно в данном контексте выглядит выделенная цветом фраза, которая не имеет отношения к данному периоду жизни писателя.

- ⁶ Это свидетельство П. А. Матвеева вызвало реплику писателя и журналиста Павла Амплиевича Россиева, который посчитал некорректным упрек Страхову в неверии. По его мнению, философ неоднократно высказывался в пользу религии и христианства и «даже» сочувствовал православию. Причину подобных упреков П. Россиев видит в «философском христианстве» Страхова, в том, что тот не был «церковником-ритуалистом». — См.: Россиев, Павел. Был ли Н. Н. Страхов «неверующим человеком»? / П. А. Россиев // Исторический Вестник. — 1907. — Т. 108. — Май-июнь. — С. 1056.
- ⁷ В поздней публикации повести (1902) Стахеев прибавил посвящение: «Памяти Н. Н. Страхова и Н. П. Гилярова-Платонова» [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геннадий (Беловолов), свящ. Оптинские предания о Достоевском / Геннадий (Беловолов) // Достоевский. Материалы и исследования. — Вып. 14. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — С. 301—312 ; То же : [Электронный ресурс]. — URL : <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=3vChP9yq8eA%3d&tabid=10527> (12.12.2015).
2. Дмитриев, А. П. Достоевский и оптинские насельники (Забытое газетное свидетельство 1881 г.) / А. П. Дмитриев [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.optina.ru/pub/p20/> (15.03.2016).
3. Достоевская, А. Г. Воспоминания. 1846—1917 / А. Г. Достоевская. — Москва : ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
4. Достоевская, А. Г. О старцѣ Амвросіи. <Из записной книги А. Г. Достоевской> / А. Г. Достоевская // Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] : международный электронный журнал. — 2016. — № 1. — С. 100—106. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461236859.pdf.
5. Котельников, В. А. Оптина пустынь и русская литература (статья вторая) / В. А. Котельников // Русская литература. — 1989. — № 3. — С. 3—31.
6. Леонтьев, К. Избранные письма / публикация, предисловие и комментарий Д. Соловьева. Вступительная статья С. Носова. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1993. — 640 с. [Электронный ресурс]. — URL : http://imwerden.de/pdf/leontjev_izbrannye_pisma_1993.pdf (12.03.2016).
7. Матвеев, П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной Пустыни / П. А. Матвеев // Исторический Вестник. — 1907. — № 4. — С. 151—157 [Электронный ресурс]. — URL : <http://books.e-heritage.ru/book/10087864> (10.03.2016). См. Приложение 2.
8. Николаев, Н. И. Библиотека Н. Н. Страхова в свидетельствах современников / Н. И. Николаев // Шестые Страховские чтения : философские проблемы понимания в культуре и науке : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25—26 ноября 2010 г. / отв. ред. Е. А. Антонов. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. — 412 с.
9. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов : Полное собрание переписки : в 2 т. / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа ; Гос. музей Л. Н. Толстого ; сост. Громова Л. Д., Никифорова Т. Г. ; ред. Донсков А. А. — [Москва ; Оттава], 2003. — Т. 1 : Письма, 1870—1878. — 488 с. [Электронный ресурс]. — URL : <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts62355-.htm> ; <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts62361-.htm?cmd=0> (12.03.2016).

10. Стахеев, Д. И. Группы и портреты : (листочки воспоминаний) / Д. И. Стахеев // Исторический Вестник. — 1907. — Т. 107. Январь—февраль. — С. 81—94 [Электронный ресурс]. — URL : http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB15000524/viewer/10.02.2016).
11. Стахеев, Д. И. Пустынножитель : повесть / Д. И. Стахеев // Русский Вестник. — 1890. — Т. 207. — № 3 (март). — С. 114—155. — № 4 (апрель). — С. 164—199 [Электронный ресурс]. — URL : http://нэб.рф/catalog/005664_000048_RuPRLIB12013382/viewer/12.03.2016).
12. Стахеев, Д. И. Пустынножитель : повесть / Д. И. Стахеев // Собрание сочинений : в 12 т. / Д. И. Стахеев. — Санкт-Петербург ; Москва, 1902—1903. — Т. 2. — Санкт-Петербург ; Москва, 1902. — С. 163—255 [Электронный ресурс]. — URL : <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003971025#?page=2> (12.03.2016).
13. Толстая, С. А. Мои записи разные для справок / С. А. Толстая // Дневники : в 2 т. / С. А. Толстая. — Москва : Худож. лит., 1978. — Т. 1 : 1862—1900. — С. 495—511 [Электронный ресурс]. — URL : <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/td1/td1-495-.htm> (12.03.2016).
14. Фетисенко, О. Л. «Гептастилисты» : Константин Леонтьев, его собеседники и ученики : (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века) / О. Л. Фетисенко. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2012. — 808 с.
15. Фетисенко, О. Л. Окрест Оптиной (Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...») / О. Л. Фетисенко // Достоевский. Материалы и исследования. — Вып. 17. — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — С. 145—161. [Электронный ресурс]. — URL : <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=b7U13B1-SRA%3d&tabid=10527> (10.02.2016).

Дата поступления в редакцию: 20.03.2016